

Проблемы жанра и композиции в романах С.И. Виткевича

И.А. МИХАЛЕВИЧ

Данная статья посвящена обсуждению витиеватой жанровой природы романов «Прощание с осенью» («Pożegnanie jesieni», 1926) и «Ненасытимость» («Nienasycenie», 1929) знаменитого польского писателя первой половины XX в. Станислава Игнация Виткевича (Stanisław Ignacy Witkiewicz, 1885–1939). В работе сделан акцент на выявление оригинальной художественной формы этих произведений, включающих в себя элементы антиутопии, философского, политического, любовного и педагогического романа, что обусловлено родовым и жанровым синкретизмом творчества Виткевича. В статье также описаны основные способы усложнения композиции, такие как всевозможные внесюжетные вставки, использование нескольких сюжетных линий, а также приемы противопоставления и усиления.

Ключевые слова: Станислав Игнаций Виткевич, жанр, роман-мешок, синкретизм, композиция, композиционный прием.

This article is devoted to a discussion of the genre nature of the novels «Farewell to Autumn» («Pożegnanie jesieni», 1926) and «Insatiability» («Nienasycenie», 1929) by the famous Polish writer of the first half of the twentieth century Stanisław Ignacy Witkiewicz (1885–1939). The work focuses on identifying the original artistic form of these works, which include elements of dystopia, philosophical, political, romantic and pedagogical novel, which is due to the generic and genre syncretism of Witkiewicz's work. The article also describes the main ways to complicate the composition, such as all kinds of extra-plot insertions, the use of several plot lines, as well as techniques of contrast and amplification.

Keywords: Stanisław Ignacy Witkiewicz, genre, novel-bag, syncretism, composition, compositional technique.

Введение. Станислав Игнаций Виткевич, Виткаций (литературный псевдоним – контаминация имени и фамилии) – известный польский деятель искусства начала XX в., оставивший после себя богатое наследие: несколько десятков пьес, сотни картин, четыре романа, теоретические трактаты, эссе и много публицистики. В то же время – это человек, который не поддается четким определениям – он считал себя живописцем, но отказался от живописи, не сумев реализовать на практике постулаты Чистой Формы, пробовал свои силы в драматургии, но успеха (при жизни) не добился. Его философские теории, изложенные в трактатах, обсуждались, но не воспринимались всерьез. Романы, рассматриваемые как чисто утилитарные, плохо продавались и не вызвали широкого отклика. Однако, несмотря на это, нельзя недооценивать вклад С.И. Виткевича в развитие польской и мировой романистики. Во многом именно благодаря ему и его современникам модернистам роман выходит на новую ступень своего развития и становится сложным, многопроблемным, многоаспектным, соединяя в себе черты различных типов собственной жанровой разновидности и других видов искусства.

Цель данной статьи – проанализировать два наиболее известных романа польского автора «Прощание с осенью» и «Ненасытимость», определить их жанровую природу и раскрыть уникальность композиционного строения названных произведений.

Основная часть. Жанрово-видовую принадлежность своих творений Виткевич сам определил как роман-мешок, то есть – произведение, в которое, подобно мешку, можно поместить все что угодно: лирику, драму, философский трактат, эпические элементы: *«powieść może być wszystkim [...] począwszy od a-psychologicznej awantury, przedstawionej od zewnątrz, do czegoś, co może graniczyć z traktatem filozoficznym lub społecznym. Oczywiście jednak musi się coś w niej dziać, idee i ich walka muszą być pokazane na ludziach żywych, a nie porozwieszane na manekinach»* [6, s. 58]. ‘Роман может быть всем [...], начиная от а-психологического приключения, представленного извне, и заканчивая чем-то, что может граничить с философским или социальным трактатом. Но, конечно, в нем должно что-то происходить, идеи и их борьба должны быть показаны на живых людях, а не развешаны на манекенах’. В этом и выражается сложность при определении жанрово-стилевой системы романов польского автора. Не случайно многие ученые-виткациологи обращали внимание на размытость границ его романов и небрежное отношение к композиции.

Так, полонист С.В. Климентьев подчеркивал, что все прозаические произведения С.И. Виткевича отличаются своей оригинальной художественной формой, соединяя в себе философскую публицистику, бульварный роман, а также мастерски переплетая реалистические и сюрреалистические мотивы [3, с. 494–495]. Философскую природу романов польского художника слова неоднократно упоминал в своих трудах и литературовед В.А. Хорев, называя их своеобразной философской прозой и связывая такое тяготение Виткация к философии с вопросами, которые он хотел освятить в своих произведениях: а именно, с проблемами неизбежной гибели европейской культуры, хаоса, общего умственного угасания и безмерной скуки [4, с. 98]. И в самом деле, философией пронизаны все романы автора. Это выражается не только в речах персонажей, бесконечно дискутирующих на философские темы, но и в отступлениях, так называемых авторских комментариях, являющих собой образец интеллектуально-философских размышлений о мире и человеке.

Известный польский литературный критик Ян Блоньский определял жанрово-стилевую специфику романов Виткевича, помимо всего прочего, как гротескную антиутопию с элементами анти-педагогического романа. «*Utopia i pedagogia – lub antyutopia i anty-pedagogia – kompromitują się wzajemnie w tkance narracji, podważają czy porażają powagę, prawdę czy prawdopodobieństwo opowieści. Stąd także jej groteskowa tonacja*» [5, s. 380]. ‘Утопия и педагогика – или антиутопия и антипедагогика – дискредитируют друг друга в ткани нарратива, ставя под сомнение или опровергая серьезность, истинность и вероятность повествования. Отсюда и его гротескный тон’. На наш взгляд, отрицание анти, поставленное перед жанровой формулой Блоньским, весьма оправдано. С одной стороны, жизненная история обоих главных героев Базакбала и Капена – это рассказ о взрослении и становлении личности, что именно является отличительной чертой педагогического романа. С другой – это скорее истории деградации и распада, чем формирования человеческой индивидуальности. Что касается утопии, то она предполагает собой образ общественного развития, спроецированного в дальнейшее. У Виткевича также время действия обоих романов будущее – вторая половина XX в., однако очевидно, что это будущее, несущее в себе крушение цивилизации, смерть религии и искусства, не предвещает ничего хорошего, и утопия таким образом трансформируется в антиутопию.

Следовательно, «Прощание с осенью» и «Ненасытимость», бесспорно, включают в себя элементы антиутопии, педагогического и философского романа, а также мы выделили в обоих произведениях жанровые особенности политического и любовного романов. Связано это с тем, что автор развивает в своих работах две сюжетные линии: мелодраматическую и политическую. Виткаций противопоставляет несколько типов любви: любовь эгоистичная, заботящаяся исключительно о личном наслаждении – такова любовь Гели Берц к Атаназию в «Прощании с осенью» и княгини Ирины Всеволодовны к Генезипу в «Ненасытимости». Любовь запретная и односторонняя – чувства Логойского к Базакбалу и Генезипа к Перси, любовь чувственная и ранимая – отношения Зоси и Атаназия, Элизы и Генезипа. Эти истории захватывают дух читателя, однако в отличие от любовных романов со счастливым концом, у Виткевича-катастрофиста конец любовной истории уже предопределен: и Зося, и Элиза погибают от рук своих любимых, Геля и княгиня все больше погрязают в собственной эротомании на грани с безумием, а главные герои добровольно отрекаются от единственной бесспорной ценности – самопознания и постижения мира, погружаясь в мрак своих собственных физиологических вожделений, которые приводят их в итоге к физической либо моральной гибели.

Политическая сюжетная линия в произведениях Виткевича отодвинута на задний план, о событиях на политической арене читатель узнает лишь при упоминании и с появлением революционеров Саетана Темпе и генерала Коцмолуховича, а также достаточно подробно в авторских отступлениях, которые писатель преднамеренно использует с этой целью. Виткаций очень тонко и точно предсказал процессы, происходящие при тоталитарном правлении, его рассуждения о революции – это умелая политическая пародия на современное ему общество. Поэтому, несмотря на то, что политический роман – это, как правило, художественные размышления автора о существующем или когда-либо существовавшем политическом режиме, произведения Виткевича, так детально описывающие никогда не существовавшую в реальности политическую действительность, в полной мере отражают в себе черты жанра политического романа.

Помимо всего вышесказанного, свой роман Виткаций обогащает чертами других жанров и даже видов искусства. Так называемый жанровый синкретизм выражается в смешении в романах структур, принадлежащих к лирике (стихи, песни) и драме наравне с монологом, диалогом или повествованием. К примеру, в третьей главе «Прощания с осенью» «*Rozmowy istotne*» ‘Разговоры по существу’, а также в главе «*Wizyta w pustelni kniazia Bazylego*» ‘С визитом в скиту князя Базилия’ «Ненасытимости» мы повсеместно встречаемся с диалогами в сценических нотациях с ремарками, характерными для драматических произведений:

«**Wyprztyk** (z wyrzutem): *Helu!*

Hela: *Ach tak: przepraszam ojca: zapomnialam, że jestem chrześcijanką.*

Ziezio (urazony): *Mogę zaręczyć pani że skazany na śmierć w torturach, zawsze byłbym taki sam»* [8, s. 148].

‘**Выпштык** (укоризненно): Геля!

Геля: Ах да, простите, святой отец, я забыла, что я христианка.

Зеся (обиженно): Могу поручиться вам, что, даже будучи приговоренным к смерти через пытки, я все равно оставался бы таким же самым’ [2, с. 71].

«**Кsiąż Bazyli** (niechętnie): *Nie wolno robić ubliżających Bogu przypuszczeń, tylko wierzyć w to, co jest do wiary podane – oto co jest.*

Tengier (krzyczy zirytowany): *Więc niech pan da nam tę wiarę zmusi nas do niej!»* [7, s. 68].

‘**Князь Базилий** (неохотно): Нельзя делать оскорбляющие Бога допущения, надо верить в то, во что дано верить, – вот в чем дело.

Тенгер (кричит рассерженно): Так дайте же нам эту веру, заставьте нас поверить!’ [1, с. 65].

В «Ненасытимости» Генезип после убийства своей жены Элизы оправдывает себя, строками стиха:

«*Przypomniał mu się wiersz jakiegoś zagwazdranego pseudofuturysty z dawnych czasów, jeszcze za życia Boya:*

... I pierwszego z bryegu przechodnia

Bęc przez łeb pała – drugiego? Także bęc!

To nie jest żadna zbrodnia,

A więc cóż to jest więc.

Nic – tak sobie bęc:

Usuwanie niepotrzebnych gratów

Bez pomocy katów...» [7, s. 319].

‘Ему вспомнился стишок какого-то никудышного псевдофутуриста – написанный давным-давно, еще при жизни Боя:

...И первому же прохожему, попавшему в поле зрения,

Хрясь дубинкой по лбу – второму? – тоже хрясь!

И вовсе никакое это не преступление.

Так что же это такое?

Да ничего, просто – хрясь:

Всего лишь ликвидация никому не нужных вещей

Без участия палачей...’ [1, с. 335].

В «Прощании с осенью» автор придает большое значение красному цвету и использует цветовые эффекты, свойственные импрессионистской живописи, для более точной передачи образа и господствующей атмосферы. В частности, все что связано с Берцами отражает красный цвет и неспроста: в стране царит революция, отец Гели Берц известный революционер, сама она манящая демоническая женщина, а красный – цвет страсти, любви, революции: «*Wogóle czerwoność przeważała w całym palacu Bertzów: obicia ścian i mebli, dywany, a nawet specjalnie dobierane obrazy, miały jako zasadniczyni kolor, czerwień we wszystkich możliwych odcieniach*» [8, s. 37]. ‘Вообще краснота преобладала во всем дворце Берцев: обивка стен и мебели, ковры и даже специально подобранные картины – все было красным всевозможных оттенков’ [2, с. 16].

Таким образом, мы приходим к выводу, что автору «Ненасытимости» и «Прощания с осенью» удастся мастерски соединить в рамках одного романа не только множество его разновидностей, но и обогатить свое произведение чертами других жанров и видов искусства, что возможно только при помощи особым образом выстроенной композиции, которая у Вит-

кевича достаточно специфична. Писатель, впрочем, этого и не скрывает, в предисловии к «Ненасытимости» Виткевич готовит читателя к необычной архитектонике данного произведения: *«Powieść jest dla mnie przede wszystkim opisaniem trwania pewnego wycinka rzeczywistości – wymyślonego czy prawdziwego – to obojętne – rzeczywistości w tym znaczeniu, że główną rzeczą w niej jest treść, a nie forma. [...] Jednak konstrukcja całości jest czymś, według mnie, w powieści drugorzędny, co powstaje jako produkt uboczny opisu życia i co nie powinno z góry wpływać deformująco na rzeczywistość według czysto formalnych wymagań. Lepiej ocywiście, żeby była, ale brak jej nie stanowi zasadniczej wady powieści, w przeciwieństwie do dzieł Sztuki Czystej»* [7, s. 7]. 'Роман для меня – это прежде всего описание определенного отрезка действительности, вымышленного или подлинного, – неважно, действительности в том понимании, что главным в ней является содержание, а не форма. [...] Конструкция целого в романе, по моему мнению, второстепенна, возникает как побочный продукт описания жизни и не должна деформирующе влиять на действительность, отвечая чисто формальным требованиям. Конечно, лучше, чтобы конструкция была, но ее отсутствие не является принципиальным недостатком романа в отличие от произведений Чистого Искусства' [1, с. 5].

Как видим, автор считает композицию вещь довольно второстепенной, подчиненной интенсивности и спонтанности выражения. Это и объясняет затруднительность при описании композиционной структуры его романов. Без тени сомнения, их можно считать образцом произведений, обладающих специфической усложненной композицией. Сюжетная система романов Виткевича сама по себе очень распространенная, можно даже сказать раздробленная, в романе не создается стройного действия, нет последовательности развития сюжета, а есть лишь ряд самостоятельных катастроф-событий. На первый план выходят отдельные жизненные ситуации, персонажи и особенно их взгляды, которые полны философских рассуждений и анализа душевных состояний героев, описанных типичным для Виткевича язвительным, пародийным языком.

В прозаическом наследии С.И. Виткевича имеется множество способов усложнения композиции. В свои романы писатель активно внедряет различные внесюжетные элементы (автомные вставки, такие как авторские комментарии, сны главного героя, информация), прослеживается авторская многопозиционность и использование нескольких сюжетных линий, наличие множества композиционных приемов (повтор, противопоставление, монтаж, усиление) и т. д.

Одним из основных способов усложнения композиции является использование нескольких сюжетных линий, романы Виткевича полностью соответствуют этому принципу. Отчетливо прослеживаются две основные линии: любовная и политическая, которые при этом пронизаны философской мыслью их автора. Основная цель писателя – показать внутренний мир своих героев, его эволюцию или деградацию и для достижения этой цели Виткевич активно использует внутренний монолог, исповеди и терзания героев, которые отражают то, что каждый из персонажей не решается сказать вслух, и помогают автору связать два плана – реальный и философский.

Значительно усложняют композицию произведений внесюжетные вставки. Этот прием наиболее распространен у Виткевича, в его романах встречается: информация (графически обособленные ремарки), авторские отступления, сны главного героя, как отдельная композиция. Заголовки «Информация» или «Замечание» – это литературно-структурный прием, который проявляется на протяжении действия обоих романов. Они представляют собой изложение рассказчиком данных о достоверности предыдущего разговора или события, а также представлений отдельного персонажа. В «Прощании с осенью» мы прослеживаем тот факт, что отступления в виде «Информации» используются для объяснения определенных событий или действий героев, что помогает читателю разобраться в сюжетных линиях произведения, а также для описания внешности и рода деятельности персонажей. Например:

«INFORMACJA

Chwazdrygiel (Buliston), lat 46. Zamknięty, jak w kasie ogniotrwalej w swoim materialistycznym światopoglądzie. <...> Poza tem był Chwazdrygiel znakomitym bijologiem...» [8, s. 129].

‘Информация

Хваздрыгель (Булистон), 46 лет. Замкнут в своем материалистическом мировоззрении, как в сейфе. <...> Кроме того, Хваздрыгель был известным биологом' [2, с. 61].

В «Ненасытимости» – это определенный указатель нарастающего политического переворота, разворачивающегося и расширяющегося за основным сценарием, разыгрываемым безум-

ными персонажами Виткевича. *«Informacja: Polityczne tło tego wszystkiego było chwilowo zbyt dalekie. Ale coś sunęło z mrocznych gór niewiadomego, jak lodowiec. <...> Ruchomy mur chiński potężniał i rósł, rzucając złowrogi, żółtawy cień na całą resztę Azji i na Zachód»* [7, s. 40]. 'Информация: Политический фон всего этого еще не прояснился. События лишь начинали медленно скапываться, словно ледник, с мрачных гор неизвестного. <...> Подвижная китайская стена росла и укреплялась, отбрасывая угрожающую желтоватую тень на остатки Азии и на Запад' [1, с. 34].

В целом отступления в виде информации составляют достаточно значительную часть романа. В художественное произведение они приносят неоднородность, мозаичность текста, поскольку имеют свою автономную структуру. Однако, тем не менее такого типа отступления становятся своего рода композиционными связками, которые соединяют разные сюжетные линии и ситуации и тем самым играют важную роль в произведении.

Помимо отступлений, как отдельного композиционного целого, Виткевич использует всевозможные авторские отступления непосредственно в тексте романа, при этом прерывая связную мысль рассказчика либо героя. Это своеобразный авторский комментарий, характерный для романов XX в. и представляющий собой интеллектуально-философские размышления автора о действительности, достаточно резкие, а порой даже и насмешливые либо неуместные. Например: *«Czekanie, zmieszane ze strachem, rozprężyło się we wnętrzościach Genezy, jak kukła waty ugniecionej z tłuszczem we wnętrzościach szczura – (jest taki dziki zwyczaj zabijania tych nieszczęsnych stworzeń, dla których nikt nie może mieć współczucia)»* [7, s. 102]. 'Ожидание, смешанное со страхом, раздувалось внутри Генезипа, как комок ваты, пропитанный маслом, в брюхе крысы (есть такой варварский способ убийства этих несчастных тварей, к которым никто не испытывает симпатии)' [1, с. 102].

Сон главного героя «Ненасытимости» Генезипа Капена де Вахаза также выделен Виткевичем как отдельное композиционное целое, и описывает убийство, совершаемое протагонистом, своего рода предсказание будущего героя: *«Sen: Szedł jakąś ulicą w nieznanym mieście <...> Zypcio chwycił nieznanomego za szyję i począł go gnać ku ziemi, dusząc go jednocześnie ze wszystkich sił. <...> Zbrodnia została dokonana. <...> Koniec snu»* [7, s. 20–21]. 'Сон. Он шел по улице незнакомого города <...> Зипек схватил незнакомца за шею и начал изо всех сил души его и гнуть к земле. <...> Преступление свершилось. <...> Конец сна' [1, с. 12–13].

Характерно для композиции романов польского писателя и использование многочисленных композиционных приемов, особенно ярко представлены противопоставление и усиление. Так, прием усиления Виткевич использует при прорисовке образов главных героев Атаназия и Генезипа. С каждым их проявлением они все ниже нравственно падают в глазах читателя. Знакомит с ними автор как с молодыми, перспективными, интересными юношами, а в итоге с каждым их действием, мы видим, как они грязнут в эротомании, пробуют наркотики, убивают и даже признав факт убийства не чувствуют за собой никакой вины.

Противопоставление используется при организации образной системы. В частности, в «Прощании с осенью» Геля Берц – демоническая женщина – противопоставлена образу невинной и всем сердцем любящей своего мужа Зоси Ослабдзенской, в «Ненасытимости» образ роковой женщины Ирины Всеволодовны, своего рода духовной и любовной наставницы Генезипа, контрастен с образом первого духовного учителя – матери, а также последующих женщин в его жизни Перси и Элизы. Виткаций указывает на противоположность не столько внешнюю, сколько внутреннюю, оказывающую влияние на всю жизнь главного героя.

Заключение. Исходя из вышеизложенного, мы приходим к выводу, что жанр романа существенно трансформирован Виткевичем до неузнаваемости. «Прощание с осенью» и «Ненасытимости» представляют собой яркий пример родового и жанрового синкретизма, где автор мастерски соединяет романтику и политику, философию и педагогику, антиутопию и драму, лирику и живопись. Композиционно романы Виткация многолинейные и многопроблемные. С одной стороны, на протяжении всего произведения проявляется взволнованность революцией, политический подтекст, с другой – наряду с политической явно прослеживается любовная тематика, а также философское начало произведения. Основная цель автора – показать трагедию метафизической неосуществленности в поиске смысла жизни главных героев в условиях хаоса и раздробленности мира революциями и внешней агрессией. Уже сам

выбор в пользу внутреннего становления, а не внешнего требует иной архитектуры произведения. Именно поэтому у Виткевича встречается такое обилие внутренних монологов, диалогов-дискуссий, философских рассуждений, язвительных авторских комментариев. Традиционная композиция усложнена всевозможными внесюжетными элементами (отступлениями, авторскими комментариями, информацией, стихами) и композиционными приемами. Все это лишний раз подчеркивает самобытность С.И. Виткевича как мастера слова и позволяет оценить художественную многогранность и феноменальность его творчества.

Литература

1. Виткевич, С. И. Ненасытимость : роман / С. И. Виткевич ; пер. с польск. Ю. Чайникова ; послеслов. и прим. А. Базилевского. – М. : Вахазар : РИПОЛ классик, 2004. – 633 с.
2. Виткевич, С. И. Прощание с осенью : роман / С. И. Виткевич ; пер. с польск. Ю. Чайникова ; послеслов. и прим. А. Базилевского. – М. : Вахазар : РИПОЛ классик, 2006. – 460 с.
3. Клементьев, С. В. Гротеск в польской прозе 1920–1930-х гг. / С. В. Клементьев // Славянский вестник : сб. науч. ст. – М. : МАКС Пресс, 2004. – Вып. 2. – С. 491–497.
4. Хорев, В. А. Польская литература XX века. 1890–1990 / В. А. Хорев. – М., 2009. – 352 с.
5. Blonski, J. Witkacy na zawsze / J. Blonski. – Krakow : Wyd-wo Literackie, 2003. – 540 s.
6. *Studia o przemianach gatunkowych w powieści polskiej XX wieku* / M. Horyczny [i inni] ; pod red. T. Bujnickiego. – Katowice : Uniwersytet Śląski, 1987. – 178 s.
7. Witkewicz, S. I. Nienasycenie / S. I. Witkewicz. – Warszawa : Państwowy instytut wydawniczy, 1982. – 429 s.
8. Witkewicz, S. I. Pożegnanie jesieni : powieść / S. I. Witkewicz. – Warszawa : Niezależna oficyna wydawnicza, 1981. – 450 s.

Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы

Поступила в редакцию 02.07.2024